

В карете не было звукоизоляции, поэтому Вэнь Жунь отлично расслышал слова Ма Саня.

Тётушка Цуйхуа тут же рассмеялась:

— А что такого, если я обмахиваю своего господина веером? Господину особенно тяжело переносить жару. Дома летом он почти никогда не выходит на улицу — боится зноя, боится комаров и мошек, да и просто не выносит, когда весь в поту. Каждый день обязательно принимает прохладный душ!

В их доме хранилось больше пятидесяти больших деревянных корыт для купания. Каждое утро их наполняли водой и ставили под солнце, чтобы вода прогрелась. Обычно ученики утром занимались в школе, днём ели обед в частной школе, а потом обязательно купались. Те, у кого была грязная одежда, сами стирали её, а пока бельё сохло — отдыхали после обеда. Проснувшись, надевали чистую одежду, собирали учебники и шли домой.

Дети в доме Вэнь Жуня всегда участвовали в домашних делах. Некоторые мальчишки ходили за кормом для свиней: за спиной — корзина, в руке — коса, а по дороге громко читают наизусть уроки. Такие картины встречались повсюду.

Малыши помладше, выпуская кур, уток и гусей на выгул, одновременно собирали хворост и заодно зубрили «Таблицу умножения».

Всё это стало привычкой, которую Вэнь Жунь постепенно привил детям за всё это время:

— Днём обязательно отдыхать, чтобы набраться сил, а после полудня — работать. Но при этом нельзя забывать то, чему учили утром.

Сейчас круглосуточно обучались только двое детей из семьи Лао Ваня и трое из соседней семьи Ян.

Однако в последние дни к ним добавились ещё двое: старший внук сельского старосты Чжан Лин и Лю Дали из семьи Лю.

Если прикинуть, то только братья Ван, Ян Му, Чжан Лин и Лю Дали имели реальные шансы как можно скорее сдать экзамены и получить степень суйцая. Остальным ещё многое предстояло выучить.

— Но разве можно тебе махать ему веером? — продолжал возмущаться Ма Сань, явно заступаясь за Лю. — У него же есть складной веер! Ты ведь не его служанка!

Строго говоря, Лю Цуйхуа была свободной женщиной — просто работала в доме Ванов. Вэнь Жунь тогда тщательно всё обдумал: согласно местным обычаям и законам того времени, даже если экономка полностью посвящала себя работе у господина, её дети всё равно не

становились рабами. Ведь мать не была продана в рабство, а значит, и дети не числились в «рабской метрике». Главное — чтобы отец ребёнка был свободным человеком («лянмином»), тогда ребёнок имел полное право учиться и сдавать императорские экзамены.

Вот таковы были дурацкие правила древности: происхождение определялось исключительно по отцу, а не по матери. Положение человека зависело только от отца — мать вообще не учитывалась.

Разве что если мать — принцесса, тогда, конечно, дело другое. Хотя даже сыновья принцесс всё равно носили фамилию отца.

— Да я просто задыхаюсь от жары! — засмеялся Вэнь Жунь. — Давайте побыстрее едем — как доберёмся до уезда, угощу всех вас ледяным мунг-бобовым отваром!

— И не надо мне больше веером махать, тётушка Цуйхуа, — добавил он, тревожно поправляя волосы. — Надеюсь, причёска не растрепалась?

Утром он уже принял душ и вымыл голову. Летом волосы быстро сохли, и жена Чэнь Цяна специально заново его причёсала.

Правда, с тех пор как Вэнь Жунь оказался здесь, длинные волосы всё ещё вызывали у него трудности. Раньше за причёской следила тётушка Ян, а потом эту заботу взяли на себя жена Чэнь Цяна и тётушка Цуйхуа. Мыть голову он по-прежнему делал сам. Чэнь Сюй тоже умел заплетать волосы, но был ещё молод и не так ловок, как его мать.

Теперь же его волосы были аккуратно собраны в пучок, обвитый двумя оборотами шёлковой ленты и закреплённый белой нефритовой шпилькой. Свободные концы ленты мягко ниспадали ниже пояса — причёска не мешала, не растрёпывалась и при этом выглядела изящно, без малейшей неловкости.

На нём была лёгкая, почти прозрачная накидка цвета молодого боба и тонкая парчовая рубашка изумрудного оттенка. Весь его наряд, хоть и не кричал о «восхитительной галантности», но безусловно подчёркивал его утончённую, интеллигентную внешность, достойную господина-цзюйжэня.

К тому же ткань была превосходной: в те времена всё шилось исключительно из натуральных материалов — полиэстера и в помине не было. Одежда ложилась на тело, как вторая кожа.

Настоящий идеальный выбор для летней жары.

— Всё отлично, — с довольным видом осмотрела его тётушка Цуйхуа. — Господин выглядит так... благородно и учтиво.

Искренняя похвала заставила Вэнь Жуня покраснеть.

Раз уж между ними ничего не происходило, Ма Саню больше нечего было сказать.

К счастью, выехали они рано и ехали быстро, стараясь воспользоваться утренней прохладой. Иначе, как только солнце поднимется, страдать будут не только люди, но и скот.

Они добрались до уездного города ещё до полудня. По прикидкам Вэнь Жуня, было около девяти утра.

Прямо с дороги они направились в уездную канцелярию.

Но там выяснилось, что уездной судья куда-то выехал. Куда именно — не сказали. Во всяком случае, в канцелярии его не было. Обещали, что он скоро вернётся, но точного времени никто назвать не мог: может, сегодня вечером, а может, только завтра утром.

Ничего не поделаешь — Вэнь Жуню пришлось вести всех в гостиницу.

Ма Саню и его людям нужно было вернуться в канцелярию, доложить и получить новые приказы — ведь теперь он официальный уездный чиновник.

Правда, уходя, этот старый хитрец всё ещё с тоской оглядывался на карету.

Вэнь Жуню это показалось странным, но жара уже начинала невыносимо давить, и он торопился найти хоть какое-то укрытие от зноя.

На обед они зашли в ресторан «Хуншэн». Старший брат Чжан как раз ушёл проверять бухгалтерию в другой лавке и в ресторане не было. Сейчас здесь управляющим работал бывший старший приказчик, который по-прежнему встречал Вэнь Жуня с большой теплотой.

Он сразу же отвёл их в лучший зал для банкетов. Поскольку среди них была женщина и компания была многочисленной, Вэнь Жунь решил выбрать именно отдельный зал.

— Подавайте блюда, но посвежее и полегче. После еды сразу вернёмся в гостиницу, — Вэнь Жунь энергично махал веером. — И принесите ещё одну порцию ледяного умэйтаня!

— Конечно, сейчас всё организуем! — Управляющий лично принял заказ и вскоре принёс сладкую белую керамическую кувшинку, на которой стекали капли конденсата. — Вот ваш ледяной умэйтань. Выпейте немного — освежитесь от жары.

— Отлично.

Все поспешили разделить между собой прохладительный напиток.

Вэнь Жунь сделал большой глоток и с облегчением выдохнул — стало гораздо лучше.

Еда действительно оказалась лёгкой: белый рис, жареные стебли водяного каштана с зелёным горошком, тонкие полоски свинины с сушеной хуанхуа-лилией, паровая белая рыба, хрустящие жареные котлетки из лотоса и свежий суп из креветок с яйцом. Блюда почти без жира, но очень освежающие и отлично подходящие к рису.

От жары у Вэнь Жуня совсем пропал аппетит, поэтому после еды он сразу вернулся в гостиницу.

После короткого послеобеденного сна он не стал выходить — на улице стояла невыносимая духота. Служка гостиницы принёс им фрукты, охлаждённые в колодезной воде. Съев пару штук, Вэнь Жунь всё равно заскучал и уселся у окна, бездумно глядя наружу.

Окно выходило прямо на улицу. Из-за жары на ней почти не было людей — даже торговцев было мало. Те немногие, кто всё же вышел, выглядели совершенно измотанными и вялыми.

Зато по улице регулярно проходили патрули: за каждым официальным чиновником следовала целая группа вспомогательных служащих («байи»). За короткое время мимо прошли уже две такие группы.

Благодаря таким патрулям уличные хулиганы, бездельники и прочая шпана полностью исчезли с глаз.

И неудивительно: если поймают — пощады не жди.

Видимо, расширение штата действительно дало результат: порядок в городе был на высоте. Вэнь Жунь вспомнил, как при въезде в город у ворот стояло человек двадцать стражников. Хотя никакой платы за вход не брали, один лишь вид официальных чиновников заставлял прохожих инстинктивно съёживаться. А уж если у кого-то на совести было что-то тёмное — такой человек наверняка дрожал от страха!

По крайней мере, эффект устрашения работал отлично: все входили и выходили из города поспешно и тихо, не осмеливаясь нахальничать.

Вэнь Жунь просидел у окна довольно долго, просто глядя в одну точку и погружаясь в свои мысли. В конце концов он вернулся в свою комнату.

Ужин им привезли прямо из ресторана. На этот раз блюда были чуть насыщеннее — особенно вкусным оказался салат из арахиса с тёмным уксусом, отлично возбуждавший аппетит.

Ещё подали солёную курочку — тоже очень вкусную.

После ужина Вэнь Жунь немного прогулялся по гостинице, затем принял прохладный душ. В этот момент в дверь постучали — пришёл Ма Сань.

— Уездной судья вернулся, — сообщил он. — Завтра в начале часа Чэнь (примерно 7:00 утра) будет слушание по этому делу во втором зале канцелярии. — Просим вас прибыть в уездную канцелярию до начала часа Чэнь.

— А, хорошо, понял, — Вэнь Жунь лишь кивнул.

Ма Сань, однако, не спешил уходить и добавил, понизив голос:

— Я, вернувшись, послал людей разузнать, почему семья Линь так торопится вернуть Лю.

— О? — Вэнь Жунь на мгновение замер с чашкой чая в руке, сделал глоток, но не стал «выставлять гостя чаем» — то есть не проявил намёка на то, чтобы тот уходил. — И почему же?

— Лю Цуйхуа не хочет послушать? — Ма Сань бросил взгляд на дверь.

— Я здесь, — раздался голос прямо из-за ширмы позади Вэнь Жуня.

В комнате было только одно главное место — там сидел Вэнь Жунь, а Ма Сань расположился ниже по иерархии. За спиной у Вэнь Жуня стояла ширма с вышитым персиковым садом. С двери было видно лишь эту ширму, но за ней скрывалось небольшое отдельное пространство — специально для женщин. А прямо за ним находилась дверь во внутренний дворик гостиницы.

Этот дворик делил гостиницу на две части: сзади располагались отдельные маленькие дворики — удобно для семей с детьми, а спереди шли обычные номера — подходили тем, кто путешествовал в одиночку или небольшой компанией.

Вэнь Жунь случайно оказался здесь, когда принимал Ма Саня: тётушка Цуйхуа как раз принесла ему чай. В гостинице хорошего чая не было — разве что мунг-бобовый отвар, но пить его постоянно было невозможно.

Она только занесла чай, как тут же появился Ма Сань. Иначе бы он и не попробовал этого чая — чашка-то была приготовлена самому Вэнь Жуню.

Впрочем, Ма Саню повезло: зато он принёс неплохие новости.

— Ты здесь?! — Ма Сань вздрогнул. Если бы за ширмой не заговорили, он бы и не догадался,

что там кто-то есть.

— Раз тётушка Цуйхуа здесь, так говори уже толком, в чём дело! — Вэнь Жуню не хотелось тратить время на пустые уловки с таким человеком, как Ма Сань, и он прямо велел ему всё чётко объяснить.

— Ты же знаешь второго дядю Ваня? — Ма Сань назвал человека, которого Вэнь Жунь совсем не ожидал услышать.

— Разве они не уехали? — удивился Вэнь Жунь. — Я слышал, что прежний уездной судья почти прикончил их. Когда он уже собирался добить, сверху пришёл приказ — и судья ушёл. Но семья второго дяди Ваня всё равно не отделалась: им пришлось срочно покинуть город, продать дом, чтобы расплатиться с долгами перед игорным притоном. Да и сыну руку не спасли.

— Они переехали в Линьшаньчан («Лесопильный посёлок»), — продолжал Ма Сань. — Второй дядя Ваня снова занялся мелкой торговлей, купил немного земли и заставил сына её обрабатывать. Но с одной рукой пахать — мука. Однако работать приходилось. Ван Дачжи — жёсткий человек: пришлось строго держать сына в ежовых рукавицах, иначе тот совсем бы пропал!

— А потом налетели разбойники. Все знали, что в Линьшаньчане водятся деньги, поэтому туда хлынуло больше всего — целых двести с лишним человек! И все — отъявленные головорезы... — Ма Сань говорил с серьёзным видом.

— Погоди-ка! — Вэнь Жунь поднял руку. — Сколько всего было разбойников? Как так получилось, что после крупной военной операции по их уничтожению уцелело столько? Наше место и так глухое, а сюда всё равно пришло человек тридцать-пятьдесят. А в Линьшаньчан, который я даже не видел, — двести?!

Разве такое количество соответствует понятию «разбойники»? В древности, в отличие от современности, население было гораздо меньше, а многие регионы — почти безлюдны.

Если банды насчитывают по три-пять сотен человек, это уже не разбой, а полноценное бандитское восстание! Да и как они выживают? Триста-пятьсот человек, ничего не производя, только грабя — разве хватит добычи, чтобы всех прокормить?

И ведь это лишь уцелевшие, «просочившиеся сквозь пальцы»! Сколько же их вообще было, если после масштабной операции осталось столько «утечек»? Сколько поймали? Сколько солдат участвовало в зачистке? Откуда столько беглецов?

— Говорят, разбойников было больше десяти тысяч, — объяснил Ма Сань. — Когда их окружили в горах, они ещё прихватили с собой местных горцев и дикарей, поэтому армии пришлось долго возиться. На самом деле, как только начинали наступать — разбойники тут же

разбегались. Горных троп много, они по ним быстро ускользали. Армия поймала всех, кого смогла, но уцелело немало. Некоторые из них уже бывали в уезде Юннин и знали, что это бедный нижний уезд с малым населением и слабой обороной. К счастью, нынешний уездной судья заранее набрал много стражников — и город уцелел. Говорят, сюда пришло человек семьсот-восемьсот. Армейский тыл прислал сюда отряд, который несколько дней прочёсывал окрестности и, в конце концов, переловил их всех. Но за эти дни некоторые места сильно пострадали. Линьшаньчан, будучи центром лесозаготовок, всегда был замкнутым и не любил чужаков — они монополизировали лесные ресурсы и не терпели, когда кто-то пытался «откусить кусок». Поэтому, когда разбойники ворвались туда, жители отчаянно сопротивлялись, но всё равно понесли тяжёлые потери. Сын Ван Дачжи, тот самый, у которого одна рука, погиб.

— Погиб? — Вэнь Жунь опешил. — Разве у них не был единственный сын?

— Да, единственный. Дочери давно выданы замуж далеко, и когда они уезжали, даже не оставили адреса. Дочери, скорее всего, теперь их и не найдут. Говорят, с дочерьми в семье обращались плохо — после замужества те ни разу не навещали родителей. В Линьшаньчане они были новичками, жили на окраине. Дом построили новый, но непрочный, хотя и довольно просторный. Их дом первым и взломали. К счастью, Ван Дачжи в тот момент ушёл торговать, а сын, лентяй, остался дома вместо того, чтобы работать в поле. Жена Ваня как раз варила ему курицу. Когда разбойники вломились, она получила удар и потеряла сознание. А сын... по словам пойманных разбойников, они изначально даже не собирались заходить в этот дом — дом-то новый, но выглядел бедно. Однако из кухни несло ароматом тушёной курицы, а они были голодны до смерти. Учуяв еду, бросились внутрь без раздумий. Вышибли дверь — и прямо за ней стояла жена Ваня, её сразу же оглушили. А сын, как оказалось, был упрямым и вспыльчивым: даже с одной рукой начал орать на разбойников. Один из них, разозлившись, нанёс ему несколько ударов ножом. Парня бросили умирать на полу. Две курицы, которые варились в горшке, разбойники съели на месте. Было ещё до полудня — соседи почти никто не готовил, только у Ваней в доме пахло жареным.

— Получается, из-за двух куриц разразилась кровавая трагедия? — Вэнь Жунь был ошеломлён.

Авторские комментарии:

Решила всё-таки убрать семью второго дяди Ваня сюжета — слишком уж они ненавистны!

<http://bllate.org/book/15642/1398124>